

натяжкою многие важные отрасли производительной промышленности, например, не говоря уже об охоте и рыболовстве, рудокопство, делание дорог и мореходство. Притом нельзя провести точной границы между земледельческой и мануфактурною промышленностью. Например, к какой из них надобно отнести ремесло мельника и булочника? По своему характеру это занятия мануфактурные; пища уже окончательно рассталась с землею, переходя в их руки. Но то же можно сказать о труде молотыбы и веяния хлеба, о делании масла и сыра, занятиях, всегда причисляемых к земледельческой промышленности, вероятно, потому, что обыкновенно они исполняются людьми, живущими на ферме, под тем же самым управлением, как хлебопашество. По многим отношениям все эти люди, в том числе мельник и булочник, должны причисляться к одному разряду с пахарями и жнецами. Все они занимаются производством пищи и получают свое вознаграждение из произведенной пищи; когда одни из них имеют изобилие, его имеют и другие. Все они вместе составляют собою «земледельческую партию». Трудами всех их вместе оказывается нации одна общая услуга, и все они получают уплату из одного источника. Наоборот, даже земледельство, когда им производится не пища, а материал для так называемой мануфактурной промышленности, по многим отношениям принадлежит в общественной экономике к этой промышленности. Каролинский возделыватель хлопчатой бумаги и австралийский производитель шерсти имеют больше общих интересов с прядильщиком и ткачом, нежели хлебопашцем. Но, с другой стороны, промышленность, непосредственно связанная с землею, имеет, как мы увидим, особые свойства, из которых проистекают очень важные факты и которыми она отличается от последующих фазисов производства, хотя бы велась и теми же людьми, как эти дальнейшие операции; отличается от молотыбы и веяния столько же, сколько от тканья коленкора. Когда я буду говорить о земледельческом труде, я буду вообще разумеать такую промышленность, и ее надобно подразумевать в моих словах исключительно, если прямо или косвенно не сказано, что смысл моего выражения относится не к ней. Слово «мануфактурный» так неопределенно, что неудобно употреблять его, когда нужна точность выражений, и когда я буду употреблять его, читатель должен знать, что я хочу говорить популярным, а не научным языком.

Глава III

Непроизводительный труд

1. Труд необходим для производства, но производство не всегда бывает его результатом. Есть много труда, и труда очень полезного, предмет которого вовсе не производство. Сообразно этому труд разделяется на производительный и непроизводительный. Политико-экономы много спорили о том, какие роды труда должны считаться непроизводительными, не всегда замечая, что в сущности не было никакого фактического основания для того, чтобы спорить им.

Были писатели, хотевшие называть производительным только такой труд, результатом которого бывает осязательный предмет, удобно передаваемый от одного человека другому. Есть другие (в том числе Мек-Келлок и Сэ), считающие слово непроизводительный унизительным и восстающие против применения его к какому бы то ни было полезному труду, какому бы то ни было труду, приносящему пользу или удовольствие, равное расходу на него. Труд чиновников, морских и сухопутных войск, медиков, адвокатов, преподавателей, музыкантов, танцовщиков и танцовщиц, актеров и актрис, домашней прислуги и т. д. не должен, по словам этих писателей, «клеимиться» именем непроизводительного, когда эти люди действительно исполняют дело, за которое получают плату, и когда количество их не превышает числа, нужного для исполнения цели, — они, кажется, считают выражение «непроизводительный» синонимом слов излишний, бесполезный, пустой. Мне кажется,

что спор этот происходит от непонимания дела. Производство не единственная цель человеческого существования; названию «непроизводительный» нет необходимости быть клеймом, да и писатели, применявшие его к известным родам труда, вовсе не думали клеймить их этим словом. Тут дело идет чисто о форме выражения и о классификации. Но разница форм выражения не лишена своей важности, хотя бы и не основывалась на различии мнений; из двух разных выражений, одинаково согласных с полною истиною, одно обыкновенно привлекает наше внимание к одной стороне предмета, другое к другой. Потому мы должны несколько заняться разными значениями, заключающимися в терминах «производительный» и «непроизводительный» по отношению к труду.

Во-первых, не надобно забывать, что даже в так называемом производстве материальных предметов производится не материя, составляющая их. Весь труд всего человечества не может произвести ни одного атома материи. Соткать сукно значит только расположить особенным образом частицы шерсти; произвести хлеб значит только поместить частицу материи, называемую зерном, в такое положение, чтобы она могла стягивать разные частицы материи из земли и воздуха для составления новой комбинации, называемой растением. Создавать материяу мы не можем, а можем только заставлять ее принимать качества, по которым она, бывши прежде бесполезною для нас, становится полезною. Мы производим и хотим произвести всегда только полезность, по верному выражению Сэ²³; труд создает не предметы, а только полезности. Точно так же потребляются и разрушаются нами не самые предметы *. Материя, из которой они состояли, остается, больше или меньше изменившись в форме; потребляются собственно качества, по которым они были пригодны для назначавшейся им цели **. Потому Сэ и неко-

* Милль нарушает строгую точность терминологии, — надобно было сказать не «предметы», а «материя, составляющая предметы». Предметы мы создаем. Предметом называется часть материи, принявшая известную форму и качества. Труд, давая железу пропитаться кислородом, превращает железо в сталь. Сталь особенный предмет. Этот предмет самою природою не создается; он создается только трудом. Но материя, составляющая сталь, не создается трудом; он не может произвести ни одного атома железа или кислорода. Но и тут опять: материя, составляющая железо, атомы этого предмета не производятся трудом; они только извлекаются из железной руды; а железо все-таки особенный предмет, различный от железной руды (например, от магнита). Железо как железо, как особенный предмет, не существует в природе; оно создается трудом. Мы не можем создавать атомы материи или элементы ее (простые химические тела); но мы создаем их комбинации; каждая из этих комбинаций есть особенный предмет; каждое определенное количество каждой комбинации или каждого элемента, получившее особенную фигуру, прочно сохраняющуюся и оказывающую такие действия, каких то же вещество не имеет в других фигурах, также есть особенный предмет, например, плуг, заступ, вилы, вилка — разные предметы, производимые трудом из железа. Конечно, и тут дело только в форме выражения. Точно так же мы и разрушаем предметы, а не разрушаем только материяу их.

** Опять та же неточность. Сами предметы могут быть потребляемы, самые частицы материи потребляются (хотя не истребляются, между тем как предметы даже истребляются). Пища потребляется организмом, всасывается в его состав, так что вместо двух предметов, куска хлеба и организма, получается один предмет, организм, с несколько увеличившимся количеством сначала одной из своих частей, крови, потом других частей, мускулов, костей и т. д. Скажут: это увеличение уравновешивается потерей частиц через их выделение; но ведь выделяется вовсе не то, что принимается, не хлеб, а уже испарина и т. д. Притом потребление пищи составом организма превышает ее выделение во все время, пока организм растет. Это и предыдущее замечание показывают, как опасно пользоваться трудами француз-

торые другие писатели основательно спрашивают: если под фразою «мы производили предметы» надобно понимать только: производим полезности *, то как же не считать производительным всякий труд, производящий полезность. Как отказывать в производительности труду хирурга, вправляющего руку, судьи или законодателя, вносящего безопасность в общество, и давать это имя ювелиру, гранящему и шлифующему алмаз? Как отказывать в этом имени труду наставника, обучающего меня мастерству, которое меня будет пропитывать, и давать его кондитеру, делающему конфекты на минутное наслаждение чувств вкуса?

Совершенная правда, что все эти роды труда производят полезности, и вопрос, занимающий нас теперь, вовсе не существовал бы, если бы производство полезности само по себе уже удовлетворяло понятию, господствующему между людьми о производительном труде. В выражениях «производство и производительный» есть эллипсис, в них подразумевается понятие, что произведено *нечто*; а это *нечто* по общему понятию не полезность, а богатство. Производительный труд значит «труд, производящий богатство». Таким образом мы должны возвратиться к вопросу, которого касались в первой главе: что такое богатство? должны ли быть считаемы богатством вообще все полезные продукты или только материальные продукты.

2. Полезности, производимые трудом, бывают трех родов:

Во-первых, полезности, вложенные и осуществленные во внешних предметах, производимые трудом, употребляемым на придачу внешним материальным вещам качеств, делающих их годными для людей. Это обыкновенный случай; он не требует объяснения.

Во-вторых, полезности, вложенные и осуществленные в людях; труд в этом случае употребляется на придачу людям качеств, которые делают их годными для самих себя и для других. К этому разряду принадлежит труд всех людей, занимающихся воспитанием: не только учителей, гувернеров и профессоров, но и правителей, насколько правительства заботятся об улучшении народа и успевают в том; труд моралистов и духовенства, насколько он приносит пользу; труд докторов, насколько он служит средством к сохранению жизни и физических или умственных сил; труд людей, обучающих физическим занятиям, разным промыслам, практическим наукам и искусствам вместе с трудом учеников на приобретение этих знаний и искусств; наконец, вообще всякий труд, обращаемый в жизни человеком на улучшение своего или чужого знания и на развитие своих или чужих физических или умственных способностей.

В-третьих, полезности, не вложенные и не осуществленные ни в каком предмете, а состоящие только в том, что оказывается услуга, дается удовольствие, отвращается неудобство или страдание на известное время, но не оставляется никакого постоянного приобретения в улучшении качеств какого-нибудь лица или какой-нибудь вещи; труд здесь употребляется прямо на

ских экономистов школы Смита: даже такой сильный в логике, такой точный ум, как ум Милля, тотчас же впал в неточность, лишь только вздумал воспользоваться мыслью лучшего из этих экономистов Сэ.

* Нет, эти выражения неправильны: мы производим и потребляем не только полезности, а самые предметы, и надобно сказать, что производить полезность мы можем не иначе, как производя предмет, потреблять ее на иначе, как только потребляя предмет. Весь эпизод, на который мы делали эти замечания, возник из фальшивого понятия о качествах материи, как о чем-то различном от материи, о чем-то самобытном, как будто о каких-то эфирных предметах (невесомых жидкостях), сидящих в том грубо материальном предмете, который можно класть на весы. Разные качества материи — это та же самая материя, рассматриваемая с разных точек зрения по соприкосновению с другими частями материи. Точные выражения таковы: мы производим предмет для того, чтобы воспользоваться известными качествами его, составляющими его полезность для нас; потребляя предмет, мы пользуемся этими качествами или полезностью его.

производство полезности, а не на приспособление какого-нибудь другого предмета к произведению полезности, как бывает в первых двух случаях. Таков, например, труд музыканта, актера, человека, декламирующего что-нибудь перед публикой или дающего перед нею какое-нибудь представление. Без сомнения, этим может производиться некоторая и иногда очень большая польза чувствам и расположению ума или общему состоянию приятного чувства в зрителях, остающаяся и по окончании дела; или, наоборот, вместо пользы может производиться также долговременный вред. Но целью дела служит не это долговременное изменение, не за него платит зритель: цель публики и актера только непосредственное наслаждение. Таков же труд армии и флота; лучше, что могут они сделать, это предохранить страну от покорения иностранцами, от обид материальных или нравственных; это услуга, но она оставляет страну без всякой перемены к лучшему или худшему. Точно таков же труд законодателя, судьи и всех других агентов правительства при отправлении их обыкновенных обязанностей, если не принимать в соображение того влияния, какое они могут иметь на улучшение национального характера; услуга, ими оказываемая, состоит в сохранении тишины и безопасности; эти предметы составляют производимую ими полезность. Кому-нибудь в каком-нибудь другом месте, что люди, занимающиеся перевозкою, и торговцы должны быть отнесены к тому же классу, потому что их труд не придает предметам никаких новых качеств. Нет, он придает предметам новое качество, качество находиться в том месте, где они нужны, тогда как прежде они находились в каком-нибудь другом месте; а это качество очень полезное, и полезность, им производимая, воплощена в самых предметах, которые теперь действительно находятся в том месте, где они нужны, и по такому увеличению своей полезности могут быть продаваемы за цену, возвысившуюся пропорционально труду, употребленному на вложение в предметы этого качества. Итак, труд перевозки и торговли принадлежит не к третьему, а к первому классу.

3. Теперь мы должны рассмотреть, о каком из этих разрядов труда надобно сказать, что он производит богатство (вспомним что под термином «производительный» разумеется выражение «производящий богатство»). Полезностей третьего разряда, состоящих в удовольствиях, которые существуют только во время самого наслаждения, и в услугах, которые существуют только в то время, пока совершаются, нельзя назвать богатством, иначе как с намерением выразиться метафорически. Существенная черта идеи богатства та, что оно может быть накапливаемо; вещи, которые, будучи произведены, не могут быть хранимы хотя сколько-нибудь времени, никак не считаются богатством; потому что, сколько бы ни было их произведено, сколько бы ни было получено от них наслаждения, человек, пользовавшийся ими, не стал от них богаче и обстоятельства его нисколько ими не улучшены. Но обычное понятие не нарушается так явно и положительно, если богатством назовется всякий предмет, который, будучи полезным, может быть накапливаем. Ловкость, энергия работников известной страны, их постоянство в работе причисляются к богатству ее, подобно их инструментам и машинам. По этому определению, мы должны считать производительным всякий труд, употребляемый на создание сохраняющихся полезностей, в чем бы ни воплощались они, в людях или в других одушевленных или неодушевленных предметах. Это основание номенклатуры я уже предлагал в одном из прежних своих произведений* и думаю, что оно лучше всех других соответствует цели классификации, хотя не строго соответствует разговорному языку.

Но когда термин богатство применяется к промышленным способностям людей, в разговорной речи всегда подразумевается тут отношение к материальным продуктам. Искусство мастерового считается богатством только потому, что оно средство к приобретению богатства в материальном смысле,

* *Essays on some unsettled question of political economy.* Этуд III «о словах производительный и непроизводительный» — Прим. авт.

и качества, не ведущие явным образом к этой цели, едва ли могут называться богатством. Какой бы драгоценностью ни были для страны гений, добродетели и другие достоинства ее жителей, они не называются богатством страны иначе как в метафорическом смысле или тогда, когда смотрят на эти качества, как на продажные товары, которыми страна может приобрести материальное богатство из других стран, как, например, делали древние греки и разные нации нового времени. Если бы я создавал новый технический язык, я избрал бы основанием подразделения способность продуктов сохраняться, а не их материальность. Но при употреблении терминов, вошедших в общее употребление, надобно употреблять их так, чтобы делать как можно меньше насилия привычному языку. Улучшение терминологии, покупаемое усилением принятого смысла разговорных фраз, вообще покупается слишком дорого, потому что из смешения старых понятий с новыми возникает темнота.

Потому, когда я буду говорить о богатстве в этом трактате, я буду понимать под этим словом только так называемое материальное богатство, а под производительным трудом только те роды деятельности, которыми производятся полезности, воплощенные в материальных предметах. Но ограничивая смысл термина этим значением, я хочу пользоваться им в полном размере этого тесного значения и не откажу в названии производительного такому труду, который не дает материального продукта прямым своим результатом, если окончательным последствием этого труда бывает увеличение материальных продуктов. Так, я называю производительным труд, употребленный на приобретение мануфактурной ловкости, давая ему это название не за самую ловкость, а за производимые ею материальные продукты, созданию которых существенно полезен труд обучения ремеслу. Труд правительственных агентов, доставляющих охранение, которое тем или другим способом необходимо доставлять промышленности для ее успешности, должен считаться производящим даже материальное богатство, потому что без него оно не могло бы существовать в изобилии, подобном нынешнему. Такой труд может называться непрямо или косвенно производительным, в противоположность труду землепашца или ткача, служащих производству непосредственно. Сходство между ними то, что они одинаково оставляют страну с большим богатством материальных продуктов, нежели какое она имела до них; они увеличивают материальное богатство или ведут к его увеличению.

4. Непроизводительным трудом напротив того будет называться у меня труд, не имеющий своим окончательным результатом создание материального богатства; труд, который, в каком бы обширном размере и с каким бы успехом ни производился, оставляет общество и, в окончательном выводе, весь мир не богаче прежнего материальными продуктами, а напротив беднее ими на все то количество, какое было потреблено работниками во время занятия этим трудом. Итак, на языке политической экономии непроизводительным называется всякий труд, который кончается непосредственным наслаждением, не увеличивая накопленного запаса постоянных средств к наслаждению. По определению, нами принятому, должен также считаться непроизводительным и труд, кончающийся произведением не мимолетной пользы, как бы ни была она важна, если только увеличение материальных продуктов не составляет части этой пользы. Спасение жизни друга будет производительным трудом только в том случае, если им спасен производительный работник, производящий больше, нежели потребляет. [Человек набожный может считать спасение души услугою, гораздо более важною, нежели спасение жизни, но он все-таки назовет миссионера или проповедника производительным работником в том случае] если кроме религиозного учения они преподают искусства цивилизованных стран, как делали в некоторых случаях миссионеры островов Тихого океана. Напротив того, очевидно, что чем больше количество миссионеров или проповедников, содержимых нацию, тем меньше продуктов остается у нее для расходования на другие предметы, между тем, как, чем больше благоразумных расходов делает она на содержание земледельцев

и мануфактурных работников, занятых производством, тем больше будет иметь она продуктов для употребления на другие предметы. При равных обстоятельствах, в первом случае уменьшается, а во втором случае увеличивается запас материальных продуктов у нации.

Непроизводительный труд может быть столь же полезным, как и производительный, даже со стороны прочной выгоды; но в других случаях он может давать только приятное ощущение, исчезающее без всяких следов; наконец он может не давать даже и этого, а составлять безусловную растрату труда. Как бы то ни было, но общество и человечество не богатеют, а беднеют от него. Все материальные продукты, потребляемые человеком, ничего не производящим, исключаются этим потреблением из того количества материальных продуктов, которыми владела бы нация без этого потребления. Но если нация не может богатеть от непроизводительного труда, то отдельный человек может, напротив, богатеть от него. За непроизводительный труд работник может получать от людей, пользующихся или наслаждающихся его трудом, такое вознаграждение, которое может служить ему значительным источником богатства. Но его выигрыш уравнивается потерей людей, платящих ему; быть может, они получили удовольствие, равное сделанному ими расходу, но они стали беднее на всю израсходованную сумму. Когда портной делает пальто и продает его, мы имеем, во-первых, передачу платы за пальто от покупателя портному и кроме того пальто, которого прежде не было. Но когда приобретает вознаграждение актер, мы имеем просто передачу платы в его кошелек из кошелька зрителя, и в вознаграждение зрителю не остается никакого предмета богатства. Потому общество в целом своем составе ничего не приобретает от труда актера, а теряет в форме доходов всю ту часть богатства, которую он потребляет, сохраняя только то, что он сберегает. Но на счет других наций нация может увеличивать свое богатство и непроизводительным трудом, как может этим путем увеличивать его на счет других людей отдельный человек. Доходы итальянских певцов, немецких гувернанток, французских танцовщиц служат источником богатства для их отечеств, когда они возвращаются домой, сохраняя часть полученного. Маленькие греческие государства, особенно те из них, которые были грубы и отстали от других, были рассадниками солдат, нанимаемых восточными государами и сатрапами для ведения бесполезных и разрушительных войн; они возвращались под старость в отечество с накопленными деньгами. Они занимались непроизводительным трудом, и жалованье, ими полученное, вместе с добычею, ими награбленною, было безвозвратно тратою для стран, дававших его; но, не будучи увеличением богатства для человеческого рода, оно было увеличением богатства Греции. Позднее та же самая страна и ее колонии стали снабжать Римскую империю авантюристами другого рода, под именем философов или риторов, учившими молодежь высших сословий тем знаниям, которыми тогда дорожили; почти все эти люди занимались трудом непроизводительным, но их большие доходы служили источником богатства для их отечества. Ни одним из этих занятий общее богатство человечества не увеличивалось. Услуги, оказываемые этими людьми, если были полезны, то получались через пожертвование части материального богатства, принадлежавшего человеческому роду; а если они были бесполезны, то все богатство, потребленное этими людьми, тратилось совершенно напрасно.

Но не один непроизводительный труд составляет растрату богатства. Производительный труд также бывает растратою богатства, если расходуется в количестве большем, нежели каким действительно порождается производство. Если по неискusstву работников или по нерассудительности людей, управляющих работою, производительная деятельность ведется дурным образом; если фермер продолжает пахать плугом в три лошади с двумя людьми, когда опыт показал, что довольно для плуга двух лошадей с одним человеком, — лишний труд составляет растрату, хотя и употреблен на производство. Если принят новый процесс производства и окажется не лучше

или хуже прежних способов, труд, употребленный на изобретение и на осуществление его, также растрочен, хотя употреблен на производство. Нация может беднеть от производительного труда, если производимое им богатство, то есть увеличение запаса полезных или приятных вещей, не таково, чтобы страна нуждалась в нем тогда, когда оно произведено; например, когда товар не продается, потому что произведен в количестве, превышающем настоящую надобность, или когда спекулянты строят доки и магазины там, где нет еще торговли. Обанкротившиеся штаты Северной Америки сделали эту ошибку, преждевременно построив железные дороги и каналы; не решено еще, не сделала ли Англия того же самого непропорциональным развитием спекуляций на железные дороги. Труд, затраченный в ожидании отдаленной выгоды, когда огромность нужд или ограниченность средств страны требует быстрого возврата затрат, делая страну беднее во время его всею суммою потребления трудящихся над ним, может и в результате оставить ее беднее того, чем она была бы, если бы искала быстрого возвращения затрат, отлагая до будущего времени те предприятия, которые не дают скорой выгоды.

5. Термины «производительный» и «непроизводительный» прилагаются не к одному труду, но и к потреблению. Не все члены общества производители, но все они потребители и потребляют или производительно или непроизводительно. Кто ничем, ни прямо, ни косвенно не содействует производству, тот потребитель непроизводительный. Производительными потребителями бывают одни только производительные работники (считая конечно и труд надзора за производительный, подобно труду исполнения). Но даже потребление производительных работников бывает непроизводительным потреблением; производительные потребители могут иметь непроизводительное потребление. То, что они потребляют на поддержание или улучшение своего здоровья, силы и своей способности к труду, или на воспитание других производительных работников, которые заместят их, то служит потреблением производительным. Но потребление на удовольствия или на предметы роскоши должно считаться непроизводительным, все равно, будет ли оно производиться праздными или трудящимися людьми, потому что производство не цель его и никаким образом не может увеличиться от него. Но из этого надобно, вероятно*, исключить известное количество удовольствий, которое может быть причислено к предметам необходимости, потому что без него труд не получал бы всей своей успешности. Производительным потреблением надобно считать только то, которое обращено на поддержание и увеличение общественных производительных сил, находящихся в земле, в материалах, в количестве и качестве орудий производства и в людях, составляющих общество.

Есть предметы, которые не способны, можно сказать, к производительному потреблению. Все годовичное потребление золотого шитья, апельсинов, шампанского должно считаться непроизводительным, потому что эти вещи не дают никакой помощи производству и не дают жизни или силе такой поддержки, которую не могли бы с таким же успехом дать вещи менее дорогие. Из этого можно было бы заключить, что труд, употребленный на их производство, не должен считаться производительным в том смысле, в каком это слово понимается экономистами. Я согласен, что труд, употребляемый на производство вещей для непроизводительных потребителей, нисколько не может содействовать обогащению общества. Портной, делающий платье человеку, не производящему ничего, сам остается производительным работником; но через несколько недель или месяцев платье изношено, а износив-

* Конечно, не «вероятно», а «наверное» надобно исключить. Если работник подарит жене или дочери серебряные серьги, купленные за полтинник или за день труда, это удовольствие наверное столько оживит и ободрит его, что он на долгое время становится энергичнее и усерднее к работе, и производительность его труда наверное увеличится многими рублями от этого потраченного на удовольствие полтинника.

ший его не произвел ничего на его замену, и общество тогда оказывается точно так же не ставшим богаче от труда портного, как если бы такая же сумма была заплачена за ложу в опере. Но тем не менее общество было богаче от этого труда, пока платье носилось, т. е. пока общество через одного из своих непроизводительных членов не потребило непроизводительным образом продукт труда. Золотое шитье или апельсин отличается от этого платья только тем, что они еще более далеки от качества вещей необходимых. Итак, эти вещи составляют богатство, пока не будут потреблены.

6. Но из этого мы видим, что есть между разными родами труда различие еще более важное для общества, нежели различие между производительным и непроизводительным трудом; это разница между трудом на производительное и трудом на непроизводительное потребление, разница между трудом, употребляемым на поддержание или увеличение производительных средств страны, и трудом, не имеющим такого результата. Только часть продуктов страны назначается на производительное потребление, остальная часть служит на непроизводительное потребление производителей и на все потребление непроизводительных классов. Предположим, что пропорция годовичного производства, обращаемого на первую из этих двух целей, составляет половину всей суммы; тогда только половина производительных работников страны занята делами, от которых зависит постоянное богатство страны. Другая половина из года в год, из поколения в поколение занята производством вещей, которые потребляются и исчезают без всякого результата, и все потребление этой половины работников составляет для постоянных национальных средств такую же полную потерю, как бы оно было потреблением непроизводительным: все потребленное этими работниками исчезает безвозвратно. Предположим, что эта вторая половина работающего населения перестала работать и что центральное правительство или местные округа содержали ее в праздности целый год; труд первой половины работников был бы достаточен, чтобы произвести, как производил прежде, предметы необходимого потребления для нее самой и кроме того для второй половины, а также и поддерживать без уменьшения запас материалов и орудий; правда, непроизводительные классы умерли бы тогда с голода или были бы принуждены сами производить свое продовольствие, а все общество в течение целого года имело бы только вещи первой необходимости. Но источники производства остались бы все в целости и на следующий год не было бы причины не произвести такой же суммы продуктов, как если бы и не существовал годичный интервал бездействия. А если мы предположим наоборот, что первая половина работников прекратила на год свои обычные занятия и вторая половина продолжала свои занятия, то в конце года страна оказалась бы совершенно обедневшею.

Большою ошибкою было бы жалеть о том, что значительная часть годовичного продукта идет в богатой стране на непроизводительное потребление. Это значило бы жалеть о том, что общество имеет много излишка за удовлетворением первых потребностей, для употребления на свои удовольствия и на высшие цели. Эта часть продукта служит фондом, из которого покрываются все надобности общества по потребностям высшим, нежели простое поддержание жизни; эта часть служит мерилом средств общества к наслаждению и силы его совершать все те дела, цель которых состоит не в производстве. Надобно радоваться тому, что общество располагает таким большим излишком для подобных дел и что он может быть употреблен на них. Предметом сожаления, предметом заботы об исправлении должно быть то, что этот излишек распределяется с изумительною неравномерностью, что большая часть его употребляется на вещи пустые и что изобильная часть достается на долю людям, которые не возвращают за нее равномерных услуг обществу.